

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей Самаров

УНИЧТОЖИТЬ
БЕССМЕРТНЫХ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Уничтожить бессмертных

«Автор»

2014

Самаров С. В.

Уничтожить бессмертных / С. В. Самаров — «Автор»,
2014 — (Спецназ ГРУ)

В горах Дагестана попал в засаду отряд специального назначения внутренних войск. Потери огромные – погибло более девяноста процентов личного состава. Ответственность за нападение взяли на себя боевики эмира Мансура, называющие себя «бессмертными». В Главном разведывательном управлении срочно разрабатывается операция возмездия. Подполковник Савелий Тайгин набирает отряд элитных солдат – самых опытных и эффективных. Бойцам выдают секретное снаряжение, которое буквально превращает их в суперменов: обостряет интуицию и зрение, снимает усталость и лишает чувства страха. На банду эмира начинается охота. Супервоины начинают развенчивать миф о бессмертии «бессмертных»...

© Самаров С. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Самаров

Уничтожить бессмертных

© Самаров С., 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Дорога речкой вилась между сопками, постоянно взбиралась выше и выше. Она стремилась покинуть лесную зону и подняться до уровня настоящих гор, где и лесу-то взяться, по сути дела, неоткуда. Он не любит расти на камнях.

Иногда среди скал, где-то в трещинах или в ямах, скапливается землистая пыль. Потом туда попадает какое-то семя, и там вырастает одинокое дерево. Чаще всего это ель. Остальные деревья любят пускать корни в глубину, а она способна разбрасывать их и поверху.

Но до настоящих горных участков дороги оставалось еще три десятка километров. Колонна состояла из трех грузовиков, на скорую руку обвешанных стальными листами. Перед ними в качестве прикрытия двигалась БМП. Она шла настолько быстро, насколько позволял подъем.

На дверцах грузовых машин и на башне БМП были нарисованы темно-красные круги с крупными белыми буквами «ВВ». Но никакая надпись не сообщала о том, какие именно внутренние войска куда-то едут – краповые береты или просто специалисты по разгону митингов и демонстраций.

На крыше кабины переднего грузовика была установлена спецаппаратура радиоэлектронной борьбы, подавляющая радиосигналы, посылаемые взрывным устройствам. Не лишняя система безопасности, хотя и не являющаяся абсолютной защитой.

Ведь бандиты довольно редко применяют всякие радиоуправляемые штуковины. Гораздо чаще они используют взрыватели нажимного или натяжного действия или же вообще руками замыкают контакты на аккумуляторной батарее. Не вышли из употребления и малюсенькие «динамо-машины», как у партизан времен Великой Отечественной войны.

Боевая машина пехоты преодолела очередной крутой поворот, потом вдруг остановилась и замерла. Ее пушка, спаренная с пулеметом, ожила, крутанулась слева направо, словно угрожая кому-то. Но никто не испугался, не бросился бежать в панике, не стал истерично палить из автомата в прочную броню БМП, даже из гранатомета не выстрелил.

Поперек дороги, как мост, переброшенный с сопки на сопку, лежали сосна, ель и береза. Бандиты часто валят деревья для того, чтобы остановить транспорт и расстрелять его в статичном положении. Все-таки поразить движущуюся цель всегда сложнее, а где бандитам взять хорошо обученных гранатометчиков?

Однако если бы здесь была засада, то под гусеницами боевой машины пехоты уже что-то взорвалось бы. Или же бандиты обстреляли бы ее из РПГ-7 бронебойными, а то и термобарическими гранатами.

БМП стояла. Замерли и грузовики. Один застыл прямо на повороте, два других даже не доехали до него.

Особой обеспокоенности пока никто не выказывал. Все хорошо знали, что недавно над горами прошел сильный шквалистый ветер и повалил много деревьев. С дороги были хорошо видны широкие просеки, возникшие в некоторых местах. Стволы валились целиком или ломались в середине.

Грунтовку перекрывали три дерева, вывороченных с корнем. Если бандиты перегораживают дорогу, то они обычно просто рубят или спиливают стволы. На засаду это было не похоже.

Вообще-то, боевая машина пехоты имеет достаточно сил, чтобы проехать напрямую и своротить упавшие деревья с дороги. Ее корпус от такой работы не пострадает. Разве что где-то оцарапается краска.

Но грузовики сами по себе гораздо шире, чем БМП. Она-то проедет по пролому, а вот грузовики могут и зацепиться. Значит, двигаться следует аккуратно, не ломать с разгону стволы, а только сдвинуть их так, как это мог бы сделать бульдозер.

БМП-3 имеет в своем арсенале бульдозерный отвал, вообще-то, предназначенный для самоокапывания. Но он может быть использован и в других случаях. В сложенном состоянии бульдозерный отвал выполняет роль дополнительной брони в передней части корпуса.

Боевая машина слегка отошла, выпустила отвал и плавно двинулась вперед, чтобы продемонстрировать свою силу. Стальной клин чуть приподнялся, чтобы не касаться земли, и надавил на стволы. Они начали разворачиваться, освобождать дорогу.

В этот самый момент и приключилась беда. Взрывное устройство сработало между отвалом и самим корпусом БМП. Заряд был, видимо, очень даже не слабым. Боевая машина пехоты, весящая почти девятнадцать тонн, подскочила на добрых два метра и перевернулась.

Грохот еще не утих, и тут же ударил РПГ-7. Граната попала в БМП так, что в ней сдетонировал боекомплект. При этом наверняка погибли все те люди, которые могли бы остаться в живых после внешнего взрыва. Да и сама машина превратилась в лохмотья. Ее броня была прорвана не только снаружи, но и изнутри, причем сразу в нескольких местах.

Тут же, в продолжение начатого нападения, ударил еще один гранатомет, но на сей раз уже за поворотом. Бронебойная граната угодила в двигатель «Урала», который сразу превратился в грудку металлолома.

Таким образом, машины, идущие в середине колонны, оказались запертыми с двух сторон. Все они сразу же запылали. Первые гранаты, попавшие в них, были бронебойными. Они запросто проламывали легкую защиту кузова. Следующие уже оказались осколочными, предназначенными для уничтожения живой силы противника.

Конечно, солдаты и офицеры спецназа внутренних войск, большинство из которых носили краповые береты, тоже были обученной, вполне реальной боевой силой. Они умели быстро и, главное, адекватно реагировать на любое изменение ситуации. Вторые выстрелы гранатометов смогли достать только тех, кто просто не успел перевалиться за борт машин.

Солдаты и офицеры действовали правильно. Но места, где краповым беретам можно было занять позицию и держать оборону, не оказалось, поскольку автоматный обстрел начался одновременно с двух склонов, справа и слева. Спецназовцам оставалось только забираться под машины, прикрываться их колесами. А там все никак не уместались.

Бойцы ринулись было в кусты, росшие по краям дороги, но тут же прозвучало несколько взрывов. Зеленка была нашпигована растяжками. Осколки мощных гранат Ф-1 поражали сразу по несколько человек.

Точно такая же история произошла и по другую сторону дороги. Часть бойцов в краповых беретах попыталась прорваться на соседний склон и пойти в лобовую атаку на бандитов, но была остановлена взрывами гранат. Упали еще несколько спецназовцев.

Укрыться солдатам было негде. Все три машины уже полыхали вовсю. Бензобак одной из них только что взорвался.

* * *

Майор Ковалев, командир отряда краповых беретов, ехал в кабине первого грузовика. Этой машине поначалу досталась только пара выстрелов из гранатомета, направленных в кузов. До начала плотного автоматного обстрела, когда трудно стало поднять голову, майор успел выскочить из кабины и устроиться за задним колесом.

Это самое колесо было сразу же пробито пулями в нескольких местах. Машина осела. Жесткая рессорная подушка придавила майору плечо, но, к счастью, не прижала его к земле. Иначе выбраться из-под машины своими силами было бы невозможно.

Отряд майора вместе с офицерами и экипажем боевой машины пехоты состоял из ста четырех человек. Считать Ковалев умел хорошо. Он очень удивился, неожиданно для себя обнаружив, что противник располагает полусотней стволов. Про такие большие отряды, дей-

ствующие в здешних горах, майор Ковалев не слышал уже давно, а встречаться с ними ему вообще никогда не приходилось.

Неожиданность нападения принесла бандитам успех. Количество спецназовцев сразу резко сократилось. Подсчитать потери, лежа за колесом, было невозможно. Майор прислушался.

На вооружении его отряда спецназа внутренних войск стоял пистолет-пулемет ПП-2000. Его калибр составлял девять миллиметров. Выстрелы из него звучали совсем не так, как из автоматов Калашникова, которыми пользовались бандиты.

Майор прикинул на слух и ужаснулся. Выходило, что со стороны спецназовцев отвечало огнем никак не больше семидесяти стволов. Бойцы отряда не имели возможности куда-то спрятаться, поэтому потери росли постоянно и катастрофически быстро.

Майор Ковалев был грамотным военным. Он знал, что для успешного прорыва обороны противника, подготовленной заблаговременно, требуется по меньшей мере трехкратное превосходство в живой силе. У него ничего подобного не было. Следовательно, любая атака краповых беретов обречена на провал и закончилась бы гибелью людей.

Майор имел немалый опыт борьбы с бандитами. Уже сейчас, лежа за колесом, он знал, что это нападение на его колонну средства массовой информации завтра будут называть очередной вылазкой террористов.

Но тот же опыт подсказывал Ковалеву, что это совсем не случайность, а хорошо спланированная и идеально проведенная войсковая операция. Он и его люди ничего не знали об этой засаде. Уже поэтому они были обречены на уничтожение. Никто не в силах противостоять организованной, хорошо продуманной акции подобного рода.

Майор Ковалев понимал, что против спецназа внутренних войск в данном случае выступили прекрасно подготовленные бойцы. Их вел за собой умный и опытный командир. Образно говоря, один спецназ столкнулся с другим, бандитским.

При этом Ковалев знал, что за такое утверждение его просто уволят со службы, если, конечно, он уцелеет в этой вот жуткой передрагге. Ему не простят утверждения, что он ничего не мог противопоставить этой засаде. Отцы-командиры обязательно обвинят майора в недостаточном боевом духе, в плохой подготовке личного состава, хотя к тому моменту, скорее всего, ни самого Ковалева, ни бойцов его отряда уже не будет в живых.

О каком боевом духе вообще может идти речь? Кто будет утверждать, что такового не было у моджахедов, когда Советский Союз вел войну в Афганистане?

Не надо забывать, что единственной силой, которая наводила страх на этих бородатых ребят, был спецназ ГРУ, который постоянно устраивал засады на различных горных тропах и уничтожал караваны один за другим. Афганцы ничего не могли противопоставить этим действиям, хотя против обычной регулярной армии воевали практически на равных.

Вот так устроена и эта засада. Противник все просчитал заранее. Майор не видел приемлемого выхода из создавшегося положения. Оставалось только одно – не опозорить себя.

Все могло закончиться очень быстро и трагично. В живых на данный момент оставались два десятка бойцов, которые смогли укрыться за колесами автомобилей. Или даже меньше. Но машины горели. Грузовик, замыкающий колонну, уже взорвался.

Майор принял решение, единственно правильное в такой обстановке. Всем подняться, сконцентрироваться и идти на прорыв. Удар наносить по одной точке. Пусть у бандитов стреляют пятьдесят стволов, но они рассредоточены по склонам, справа и слева от дороги. Атака может принести успех.

Майор Ковалев видел, как бойцы пытались прорваться через кусты и налетали на растяжки. Значит, следует идти только там, где все смертельные сюрпризы уже сработали, по чистому пространству.

Майор Ковалев дал команду и первым поднялся в атаку. Навстречу спецназовцам ударил пулемет, но они не остановились, добежали до позиции бандитов, которых здесь было где-то двенадцать, максимум пятнадцать. Парни на бегу расстреляли противника и ринулись дальше по склону.

Это был силовой прорыв. Он удался.

Только потом, когда все, кому повезло, спустились с сопки, майор Ковалев остановил группу и пересчитал. Вместе с ним после прорыва осталось только одиннадцать бойцов. Да, он сам и десять солдат. Ни одного офицера. А ведь на операцию выехали сто четыре человека.

* * *

Чуть позже майор Ковалев на ходу связался с оперативным штабом антитеррористического комитета и доложил о чрезвычайном происшествии. При этом он прекрасно понимал, что его после этого обязательно снимут с должности и, возможно, отдадут на растерзание военному трибуналу.

Именно так до этого большие начальники разбирались с командирами других военных колонн, оставшимися в живых. Всем им клепали стандартную формулировку. Мол, данные должностные лица проявили преступную халатность, не обеспечили безопасность передвижения личного состава и боевой техники.

Майор прекрасно понимал всю глупость такой формулировки, готов был доказывать, что он никоим образом не мог обеспечить безопасность колонны. Никто не сумел бы этого сделать.

Ковалев должен был приказать всю дорогу ехать со скоростью пять километров в час и расстреливать весь лес впереди колонны, не так ли? Что-то в этом роде ввел в практику спецназ ГРУ, но и он не мог вести огонь постоянно, от старта и до самого финиша. И патронов не хватит, и пулеметы от перегрева заклинит. В Дагестане слишком уж многие дороги идут через лес.

Что вообще мог предпринять майор Ковалев? Только погибнуть, остаться среди тех, кто не сумел выйти из боя. Его обязательно спросят, почему он сам уцелел и вывел с собой лишь десятерых солдат. Почему девяносто три человека остались лежать там, на лесной дороге по пути в горы.

Ни один из следователей военной прокуратуры не подскажет майору, что еще он должен был предпринять. Вина Ковалева будет состоять уже в том, что он остался жив. Только матери десяти солдат смогут сказать спасибо командиру отряда. А родители девяноста трех солдат и офицеров будут считать его виновным в их гибели.

Он сам понимал несправедливость этого обвинения, но доказать обратное не имел возможности, потому что не знал средств, которые могли бы спасти его отряд. Подчиненные майора Ковалева были хорошо подготовлены, участвовали во многих операциях по уничтожению банд, причем всегда удачно. Потерь убитыми за время командования Ковалева не было. Раненые, конечно, имелись.

А теперь отряда, по сути дела, нет. Заступиться за майора будет некому. Разве что эти десять солдат скажут, что командир поднялся первым, шел вместе со всеми, стрелял, убивал бандитов и прорвался. Он не прятался за чужие тела, шел впереди других не потому, что хотел поскорее убежать от бандитов. Он вел за собой своих бойцов, обреченных на смерть.

Нападение на колонну было прекрасно организовано, продумано до мелочей. Оно воплощалось с методичностью компьютера. Только успешная попытка прорыва спасла жизни майора и десяти солдат.

Но никто даже не попытается оправдать майора Ковалева. Поступить так – это значит признать, что отряд был послан на задание вовсе даже не по приказу оперативного штаба антитеррористического комитета. Эту операцию задумал и воплотил в жизнь командир бандитов.

Оперативный штаб попался в ловушку, подстроенную этим очень даже не глупым человеком, не имел возможности проверить полученные данные, хотя бы провести сначала воздушную разведку. Решение было принято сразу. В горы отправился отряд спецназа внутренних войск, который только что прибыл с другого задания. Отряд получил патроны, сухой паек, погрузился в машины и выехал, не успев отоспаться после полутора суток напряженной работы.

В оперативный штаб поступили сведения о том, что семеро бандитов захватили рейсовый автобус с пассажирами и принудили водителя свернуть в горы. Потом они потребовали выкуп за заложников. Автобус должен был свободно передвигаться до границы с Грузией. Там бандиты намеревались отпустить пленников. Они сами позвонили в антитеррористический комитет и изложили свои требования.

Отряд спецназа внутренних войск должен был освободить заложников. Месторасположение бандитов технари определили по звонку их главаря. Тот представился как Мансур ибн Серджун Ат-Таглиби, эмир отряда, бойцов которого он назвал бессмертными.

В оперативном штабе решили, что это, видимо, арабский наемник. О человеке с таким именем раньше никто не слышал, как и о банде этих самых бессмертных. Какой-то умник при погонах вспомнил, что так назывались императорская гвардия в Византии и особые диверсионные отряды в экспедиционном корпусе войск Муссолини. Но это не имело отношения к делу.

Майор Ковалев должен был найти автобус с заложниками и освободить их, если будет такая возможность. Если не будет, то майор имел полномочия вести переговоры с этим арабским эмиром. Ковалев не знал, проверил ли кто-то, имел ли место в действительности захват рейсового автобуса и заложников. Если никто этим не поинтересовался, то это будет еще хуже. Ведь чины из оперативного штаба запросто найдут тысячу оправданий себе и еще столько же обвинений в адрес Ковалева, чтобы снять с себя вину.

Маршрут колонны был срочно проработан. Машины шли к тому самому месту, откуда осуществлялся звонок, по единственной дороге. Никто не предположил, что это могла быть ловушка, не подумал, что вся история с захватом заложников придумана специально. Или даже такая акция действительно проведена – с целью заманить в ловушку крупный отряд внутренних войск.

Таких потерь федеральные силы не несли со времен чеченской войны. В Дагестане вообще никогда не случалось ничего подобного.

Да, ловушка была организована заранее. Все подготовлено, продумано досконально. Даже растяжки поставлены именно в тех местах, где спецназовцы могли попытаться найти укрытие.

Все это говорило о том, что против отряда спецназа внутренних войск работали классные мастера противной стороны. Но заявить такое открыто вряд ли кто решится. Это уже само по себе будет означать признание наличия хорошо организованной и централизованной вооруженной группировки, действующей в горах.

Тогда уже найдутся чины с очень большими звездами на погонах, которые могут строго спросить и с самого оперативного штаба антитеррористического комитета. Мол, а вы-то, голуби сизокрылые, куда смотрели? Прозевали!..

Ясно, что служивые из оперативного штаба постараются не допустить такого толкования событий. Виновником трагедии окажется командир отряда краповых беретов майор Ковалев. Он один, и никто более.

Так всегда бывало прежде, ничего не изменилось и сейчас. В подобных ситуациях найти виновного очень просто.

* * *

Полковник Гайдар Гайдарович Гайдаров был не самым приятным собеседником, но майор Ковалев вынужден был говорить именно с ним, поскольку этот самый человек и давал ему задание.

– А сам-то ты почему уцелел? – спросил полковник, как и предвидел Ковалев.

– А это вы, товарищ полковник, спросите у тех пуль, которые вокруг нас летали. Почему ни одна из них во время прорыва в меня не попала. Я вывел с собой только десять солдат. Нам удалось прорваться в сопки. Будем выходить на третий или даже на второй участок дороги.

– Почему так далеко?

На оперативных картах дорога до гор для удобства определения места делилась на семь условных участков. Они не были привязаны к каким-то особым условиям. Разбивка производилась в том же штабе с помощью простой линейки и цветного карандаша.

– Четвертый и пятый участки бандиты могут держать под контролем. Не думаю, что они выдвинутся до третьего. Это слишком рискованно для них.

– Где они столько людей наберут, чтобы четвертый и пятый участки взять под контроль?

– Я же доложил, что насчитал около пятидесяти стволов. Во время прорыва мы уничтожили только человек двенадцать-пятнадцать. Значит, сил у них хватит.

Гайдар Гайдарович Гайдаров высокомерно фыркнул и заявил:

– Это ты со страху столько насчитал! Таких банд у нас давно уже не существует. Если они вообще когда-то были. Это Дагестан, а не Чечня! Ладно, выходи на третий участок. Я высылаю подмогу. Банду надо уничтожить, какой бы численности она ни была!

Какую подмогу и кому собрался выслать полковник, майор Ковалев не знал и спрашивать не стал. Если речь шла об остатках его отряда, то им нужно высылать не подмогу, а спасательную команду, потому что большинство прорвавшихся солдат имели ранения. Уничтожением банды должны заниматься отдельные силы, причем весьма значительные, а вовсе не какая-то подмога.

Майор Ковалев осмотрел солдат, оставшихся в строю, и самолично сделал перевязку раненым. Потом он решил все-таки выходить подальше от бандитов, на второй участок дороги. Если бы его группе пришлось еще раз столкнуться с бандитами, то она могла бы не выдержать нового боя.

Только на следующий день до майора спецназа внутренних войск дошла вот такая информация. В район уничтожения его отряда и в самом деле срочно была выслана помощь. Колонна состояла из шести грузовиков и двух боевых машин пехоты, но до места не добралась, была атакована уже на третьем участке дороги.

Сначала взорвалась ведущая боевая машина, потом – замыкающая. Вслед за этим гранатометчики расстреляли грузовики и накрыли живую силу осколочными боеприпасами. Велся и огонь из автоматов, но незначительный.

Отряд спецназа общей численностью около двухсот человек лишился почти трети личного состава. Потери бандитов определить не удалось, поскольку они быстро отступили. Если у них и были убитые и раненые, то они унесли их с собой.

Глава 1

На стене висел самый настоящий морской барометр, подарок старого товарища, отставного капитана первого ранга. Этот хитрый прибор показывал, что атмосферное давление, и без того низкое, падало постоянно, с каждым часом. Вскоре должен был начаться сильный снегопад.

Пора бы, конечно. За всю нынешнюю зиму снега выпало так мало, что земля основательно промерзла. Значит, настоящая весна, та самая, которая с зеленью и цветами, будет поздней.

Да, низкое давление обычно предвещает осадки. По этой причине, видимо, и печь никак не хотела разгораться как следует. Савелию Вячеславовичу пришлось несколько раз заново растапливать ее. В конце концов он догадался подложить под сырые поленья побольше бересты.

Дрова ему привезли недавно. Он сам все их переколол и уложил в поленницу в сарае. Здоровья у него пока вполне хватало на такие подвиги.

На морозе дрова казались хорошими. Они легко кололись, однако в печке горели плохо. Савелию Вячеславовичу приходилось сначала разжигать сушняк, а потом подкладывать сырые дрова. Но прошлогодних дров оставалось мало. Использовать их приходилось экономно.

Вообще-то, Савелий Вячеславович всегда любил смотреть на огонь в печке. Он часто раскрывал дверцу и мог час просидеть, глядя в пламя. Но при низком атмосферном давлении в дом, как правило, валило много дыма прямо из устья печи.

Поэтому сейчас Савелий Вячеславович никак не мог позволить себе такого удовольствия. Иначе ему потом пришлось бы надолго распахнуть входную дверь, чтобы дым вышел на улицу. Форточек в окнах, в которые с осени вставлялись еще и вторые, зимние рамы, не было. Прежний хозяин дома, видимо, не слишком любил свежий воздух. Или же, наоборот, для проветривания открывал окна целиком.

Прежнего хозяина, дожившего до преклонных лет в полном здравии и почившего в одночасье, Савелий Вячеславович не застал. Он покупал дом у его детей. Эти люди, тоже уже весьма пожилые, давным-давно стали горожанами и не желали возвращаться к деревенскому быту.

Печка в старом рубленом доме стояла так, что разделяла единственную комнату и кухню. В проеме висела занавеска. Дверь навесить было просто не на что, да и незачем. Короче говоря, вполне нормальное жилье для маленькой семьи или даже одного человека. Дом прочный, хорошо проконопаченный, лишенный сквозняков. Пол расположен высоко над землей, что тоже дает тепло.

Савелий Вячеславович купил этот дворец чуть больше года назад, перед выходом на пенсию, а потом сразу в нем и поселился. Он жил в деревне практически постоянно, радуясь чистому воздуху и овощам, которые сам же и выращивал на небольшом огорожке. Отставной подполковник к осени снял первый, пока единственный в жизни урожай, и очень им гордился.

Это он-то, человек по происхождению и воспитанию чисто городской! Видимо, сказывались корни, родители, деды и прадеды. Савелий Вячеславович истосковался по земле.

Зато Василиса, его жена, родившаяся и выросшая в деревне, как и многие другие исконные селяне, предпочитала город. По обоюдной договоренности она осталась в Москве. Ей нужно было следить за внуками, поскольку сын служил, а его жена работала. Как решили, так и сделали.

Бабушка Василиса взвалила на себя обязанности по воспитанию подрастающего поколения. Правда, старший внук уже учился на первом курсе университета. Если говорить честно, то он и сам мог бы, даже должен был присматривать за бабушкой.

Тем более что со здоровьем у нее было не все в порядке. В последние годы сильно пошаливали печень и поджелудочная железа. Женщине часто приходилось обращаться к врачам, а в деревне это всегда проблематично.

Поэтому жена навещала к мужу крайне редко. Он же в Москву вообще почти не ездил. Савелий Вячеславович и раньше не очень-то любил этот излишне большой и чрезвычайно суетливый город, а теперь, в современных условиях, вообще не переносил его.

За долгие годы службы в спецназе подполковник Тайганин привык к отсутствию бытовых удобств. Такую беду он переносил совершенно спокойно, без претензий на более комфортную жизнь.

Наконец-то печка разгорелась. Как раз в тот момент, когда Савелий Вячеславович выпрямился, вставая от нее, зазвонил мобильник, лежащий на столе. Определитель показал незнакомый номер, но причин не отвечать на звонок этого абонента у Тайганина не было.

– Слушаю вас.

Так Савелий Вячеславович начал говорить сразу, как только вышел в отставку. Он очень старался заставить себя забыть куда более привычный ответ, к которому всегда добавляется представление: «Слушаю вас, подполковник Тайганин». Таким вот незамысловатым образом Савелий Вячеславович старательно уводил себя из военной жизни в гражданскую.

Но бывшее никак не хотело отпустить его. Об этом свидетельствовал и данный звонок.

– Здравствуй, Савелий Вячеславович! – сказал знакомый голос, сразу заставивший Тайганина выпрямиться и слегка напрячься.

Так и положено при звонке командующего войсками спецназа ГРУ.

– Полковник Мочиллов тебя беспокоит. Не забыл такого?

– Здравия желаю, товарищ полковник. Не забыл, Юрий Петрович. Память еще не подводит.

– И отлично. А гостей ты до которого часа принимаешь?

Старинные часы-ходики, оставшиеся на стене от прежнего хозяина, показывали половину девятого вечера. Не так уж и поздно.

– Смотря какие гости. Вас готов принять в любое время суток.

– Тогда выходи, открывай калитку. Я подъехал. Стою около твоего дома.

– Иду, товарищ полковник.

Савелий Вячеславович набросил на плечи старый армейский бушлат, нахлобучил лохматую меховую шапку, вышел во двор, дошагал до калитки, отодвинул засов и впустил гостя. Во дворе уже сыпался снежок. Ясно было, что скоро это дело усилится.

Полковник Мочиллов прошел по тропинке к дому, а Тайганин выглянул на улицу и увидел разворачивающийся микроавтобус. Он, видимо, полковника и привез.

Савелий Вячеславович хотел включить чайник. Он надеялся, что дополнительная нагрузка на проводку не выбьет, как иногда случается, пробки на электрощите. Но полковник отрицательно помотал головой, отказываясь от угощения.

– Мне еще в Москву возвращаться. Давай без чая, сразу приступим к делу.

– Бога ради, – согласился Тайганин, показывая гостю на диван, а сам опустился на старенький стул.

Савелию Вячеславовичу нравилось жить гражданским человеком, не стоять по стойке «смирно» перед командиром, дожидаясь, когда тот предложит присесть.

– Освоился в гражданской жизни, Савелий Вячеславович? Приспособился?

– Вполне. Сам себе хозяин. Такое положение меня очень даже устраивает.

– Не расстраивай меня раньше времени. Ты сам должен понимать, что я к тебе приехал не просто с дружеским визитом вежливости.

– Я догадываюсь.

– Вот и отлично. Ты у нас на Северном Кавказе, кажется, часто бывал?

– Можно сказать, прописан там был. Несколько отрядов возглавлял. Как своих, бригадных, так и сводных. Тамошний климат меня вполне устраивал. Я вообще человек нетребовательный на этот счет. Могу легко приспосабливаться.

– Да и в кавказских делах ты неплохо разбираешься.

– Есть опыт, соглашусь, товарищ полковник.

– Вот к твоему опыту я и хочу обратиться.

– Слушаю вас.

– Ты что-нибудь слышал про бандитский спецназ?

Отставной подполковник вздохнул.

– Наконец-то заговорили!.. Надеюсь, что так оно и есть. Я давно уже пытался поднять эту тему. Но надо мной только смеялись. Когда бандиты проводят свои акции, легко просчитать, где действуют диверсанты и где – настоящий спецназ. Все вылазки можно разделить и классифицировать по уровню исполнения. Не трудно сказать, работают дилетанты, взявшие в руки оружие по какой-то причине, или профессионалы, подготовленные самым наилучшим образом. Помню, мы однажды уничтожили бандитскую базу. Там был не только турник и параллельные бруссы, но и целая полоса разведчика¹. Кто будет устраивать ее в горах ради того, чтобы один-два человека размяли руки, ноги и спину? Понятно, что это сделано именно для целенаправленной и планомерной подготовки бойцов. Лагерь, о котором я говорю, находился в Чечне. Насколько я помню, Иорданец² в те времена проводил там подготовку бандитов.

– Да, я не забыл твой рапорт на эту тему, поэтому и обратился именно к тебе. Только там была Чечня. В те времена мы практически контролировали эту территорию. А сейчас проблема возникла в Дагестане. Ты же там тоже бывал...

– Так точно, товарищ полковник. Последний год две недели на спецоперации в Кабардино-Балкарии, а потом только там. Дагестанские условия помню неплохо, хотя после моей отставки там что-то могло измениться. Рассказывайте, товарищ полковник. Я слушаю.

– Начну с происшествия. В оперативный штаб антитеррористического комитета Дагестана поступил телефонный звонок из райотдела полиции. Семеро бандитов захватили в заложники пассажиров рейсового автобуса. Куда их вывезли, в полицию не знали. Бандиты высадили прямо на дороге только беременную женщину, которой во время захвата стало плохо. Ее подобрала попутная машина и отвезла в поликлинику, где женщина и родила. Требований бандитов никто не знал. Потом они сами позвонили в антитеррористический комитет, причем сразу в оперативный штаб, знали номер! Этот факт уже дает нам кое-какую информацию. Бандиты потребовали выкуп за заложников. Вполне небольшой. По пятьдесят тысяч долларов за каждого захваченного. Всего получалось около полутора миллионов. Весьма скромно. Кроме того, бандиты заявили, что автобус должен свободно проехать до границы с Грузией. Они обещали освободить там заложников. Конкретный маршрут не назвали во избежание засады. Звонивший представился как... – Полковник Мочиллов вытащил из кармана бумажку, чтобы прочитать сложное для него имя. – Да, я правильно запомнил: эмир Мансур ибн Серджун Атаглиби. В антитеррористическом комитете на этого человека ничего нет. Там вообще впервые слышали такое имя. Судя по всему, арабский наемник. Но ведь почти все эмиры, залетные или местные, так или иначе уже давно засветились, а про этого фрукта ничего слышно не было.

– Ничего странного тут нет, – сказал Савелий Вячеславович. – Мне кажется, что это не имя, а псевдоним. Впрочем, минутку, товарищ полковник. Я сейчас проверю. – Отставной подполковник включил компьютер, стоявший на маленьком столике у окна, и нацепил очки.

– Зрение стало сдавать, Савелий Вячеславович? – поинтересовался полковник.

¹ В армии существует традиционная полоса препятствий. В подразделениях спецназа ГРУ она называется «полосой разведчика», является куда более длинной и сложной для прохождения (Здесь и далее примечания автора).

² Иорданец – кличка Хаттаба, хотя точных данных о его национальности не существует.

– Вроде бы и не сижу много за компьютером, а сдает. Может, это уже возрастное?.. Дальнорукость и близорукость в одном флаконе! Да, уже трудно без очков обходиться.

Мощный компьютер загрузился быстро.

Отставной подполковник Тайганин набрал в строке поиска имя, которое сразу запомнил, быстро нашел нужные строчки, повернулся к гостю и заговорил:

– Точно! Память меня еще не подводит. Мансур ибн Серджун Ат-Таглиби – это настоящее имя христианского святого Иоанна Дамаскина, который был по происхождению арабом. Он прославился тем, что сумел с помощью казуистики и извращения понятий, а порой и за счет откровенной лжи, убедить Седьмой Вселенский собор в правоте иконопочитателей перед иконоборцами. Кстати, на предыдущем подобном мероприятии Иоанн был за то же самое несколько раз предан анафеме. На сей раз он пользовался поддержкой византийской императрицы Ирины, известной тем, что она приказала ослепить своего сына Константина, чтобы не отдавать ему престол. Императрица заставила собор принять правило иконопочитания.

– А ты сам, Савелий Вячеславович, православный человек? – спросил полковник.

– Я просто христианин, время от времени читающий Священное Писание. Поэтому я и считаю наши церкви просто лавочками, коммерческими заведениями, которые только прикрываются показной заботой об истинной вере. Есть же просто торговые люди, не скрывающие своей страсти к наживе и посвящающие этому делу всю свою жизнь. Православные священники делают то же самое, только вот стараются не показывать этого. Выходит, что торговцы куда честнее их. Но попы сплошь и рядом живут куда лучше. Ложь часто бывает очень действенным средством. Еще пресловутый Геббельс говорил, что ложь должна быть чудовищна, чтобы в нее поверили. Православие, как и католичество, этим принципом оперирует постоянно и с большим успехом. Я не берусь сказать, что произойдет вскоре с католичеством, но боюсь, что Россия благодаря православию повторяет судьбу Византии. Господь отвернется от нее окончательно. Перед гибелью Византии ее заполнили иноверцы. Сначала мирно. Они просто приезжали в Константинополь и селились там. Так сейчас происходит и в Москве. Потом начнется настоящее нашествие, и России не станет. Но это сложный вопрос, о котором не хочется говорить между другими делами, очень даже серьезными. Мы сейчас о другом размышляем. Итак, я не думаю, что этот эмир – тезка христианского святого. Скорее всего, он взял псевдоним. Но ведь и этот факт несет в себе какую-то информационную нагрузку...

– Какую же именно?

– Я разве могу предположить? У меня нет никакой информации. Но загадку эту обязательно следует разгадать. Это один из важных моментов в решении всего вопроса. Псевдоним обычно бывает в той или иной степени символичным. Что кроется за прозвищем эмира? Здесь и сейчас мы не сможем ответить на данный вопрос. Пусть аналитики управления плотно засядут за него.

– Да. Я распоряжусь.

– Я вас, товарищ полковник, слушаю. Извините, что перебил.

– Короче говоря, никаких данных на такого эмира не было. Но номер его мобильного был определен. Оперативный штаб обратился в ГРУ, и наши спутники сразу нашли место, где в тот момент находился телефон. Мы сразу взяли его под контроль. На место выдвинулся отряд спецназа внутренних войск. Чуть больше сотни человек. Но отряд попал в хорошо организованную засаду и был уничтожен почти полностью. Прорваться удалось только командиру отряда майору Ковалеву и десяти солдатам в краповых беретах, большинство из которых было ранено. Майор сразу доложил в оперативный штаб. На место засады выслали помощь, еще пару сотен человек. Обычно бандиты после удачной атаки сразу растворяются в горах и окрестных селах. В этот раз они организовали нападение и на вторую колонну. Причем сделали все очень грамотно. Этот отряд потерял до тридцати процентов живой силы, но смог организованно отступить. Вернее сказать, отошли сами бандиты.

– Видимо, крупная банда, – почти равнодушно сказал отставной подполковник Тайганин.

– Майор Ковалев насчитал около пятидесяти стволов. Это без гранатометчиков и тех, кто в это время, возможно, уже сидел во второй засаде. Не исключено, что какие-то люди до сих пор охраняют автобус с заложниками. Произошло все это еще вчера, во второй половине дня. Поисковый вертолет мы выслали, но никого обнаружить не удалось. Сам знаешь, обычно так и бывает. Бандиты растворились в воздухе или в пещерах, которые тепловизор вертолета просмотреть не может. Но от места засады до этих естественных укрытий восемнадцать километров. Быстро преодолеть такое расстояние после боя в состоянии только хорошо подготовленный отряд. Никак не простые бандиты.

– Вчера приключилось, говорите. Значит, прошло уже больше суток. Следует ждать новой вылазки.

– Она уже была. На военном аэродроме Каспийска ночью на земле взорвались два вертолета, оборудованных средствами поиска. Третьего совершенно случайно не оказалось на месте. Его затребовало МЧС. Лодка с рыбаками пропала в море. Вот ее-то и ищут с помощью вертолета. Иначе мы потеряли бы все три.

– Там, в Каспийске, еще два «Ночных охотника» базируются...

– Да. Они к нашему спецназу приписаны и поэтому охраняются моими мальчишками. Бандиты не рискнули подойти или не сумели. Иначе они наверняка заминировали бы и эти вертолеты. Дагестанцы обратились к нам, сначала за консультацией, потом и за помощью. Они решили, что против профессионалов должен воевать только спецназ ГРУ. Вот я и хочу услышать твои мысли по этому поводу, Савелий Вячеславович.

Отставной подполковник Тайганин всегда уважал теперешнего гостя еще и за то, что тот был одним из немногих людей, которые без ошибок и задержек выговаривали его имя-отчество.

– И всего-то? – Тайганин без труда догадался, что поздний визитер приехал к нему совсем не за этим. Вернее сказать, не только за этим.

– Не веришь в искренность старшего по званию и должности? – с усмешкой спросил Мочиллов. – Вот они, отставники!..

– Не верю, Юрий Петрович.

– И правильно делаешь. Начальство никогда не бывает искренним до конца. Ты ведь и сам на командной должности был, знаешь.

– Потому и не верю.

– Но все-таки выскажи свои соображения, прежде чем я тебе сделаю совершенно официальное предложение.

– Прежде всего следует искать крота в оперативном штабе. Кто-то бандитов наводит. Я считаю, что это не подлежит сомнению.

– Допускаю. У самого такие мысли были.

– Еще нужна плотная космическая разведка. Чтобы спутники тот мобильник ни на секунду из поля зрения не выпускали.

– Вот тут я виноват. Запомнил рассказать. После первого звонка мобильник оставался рядом с автобусом. В местах засад и боевых действий он не фиксировался. Вернее, не сам телефон, а эта сим-карта. Значит, есть два варианта. Первый таков: Мансур ибн Серджун Ат-Таглиби не участвовал в нападении. Второй сводится вот к чему. Эмир намеренно оставил телефон рядом с автобусом, а сам пользовался другим, на который и получал сообщения от крота. В нем иная сим-карта, нам пока неизвестная. Ты же знаешь, наверное, что со спутников отслеживается только она, а не сам аппарат.

– Да, в курсе. Я проводил пару операций вместе с людьми из управления космической разведки и был очень доволен. Думаю, здесь они тоже могут быть весьма полезны. Более того, без них нужного результата добиться будет очень сложно.

– Согласен. Этот вопрос, скорее всего, мне удастся решить положительно. Начало года. Бюджет еще не израсходован. Думаю, что не откажут. Оперативный штаб даже всерьез обсуждал вопрос о том, что захват заложников и нападение на колонны – дело рук разных банд. Предполагалось, что Мансур ибн Серджун Ат-Таглиби в атаках не участвовал. Но наши умники склонны думать, что это была классическая ловушка для спецназа.

– Тут люди нужны с особой подготовкой. Простые солдаты могут не потянуть. Поэтому в таких операциях лучше не опираться на линейные подразделения. Думаю, нужно задействовать несколько отдельных мобильных офицерских групп под общим командованием. Эти ребята одинаково хорошо владеют всеми видами оружия. В горных условиях им необходим будет хотя бы десяток огнеметов «Шмель». Обязательно надо присоединить к группе снайперов, как минимум трех, обязательно опытных, проверенных в условиях реального боя и на функционалку. Один, скажем, с простой винтовкой. Предположим, с ВСК-94 или с «Винторезом». Я лично не люблю СВД. Двое с крупнокалиберными. На троих обязателен один прицел с тепловизором. Весь личный состав группы необходимо обеспечить «Подснежниками»³.

– «Подснежники» есть на складе базовой бригады. Группа получит их. С этим проблем не будет. Теперь предыдущий момент. Я о функционалке говорю. Здесь нам поможет центр экстремальной медицины. У них есть некоторые нововведения, разработанные специально для нас. Все остальное, в том числе огнеметы и прицелы с тепловизорами, – тоже вполне решаемые вопросы.

– А что за нововведения по части экспериментальной медицины? – поинтересовался Савелий Вячеславович.

– Пока не имею права говорить. Может быть, через несколько минут. Хотя ты уже сказал, что не любишь СВД. Я это воспринимаю как некую готовность к согласию. Понимаешь, о чем я?

– Да, конечно. Однако сейчас разговор о другом. Солдаты в любом случае могут не потянуть по подготовке. Допустим, у них будет все в порядке с функционалкой. Но решающим фактором может стать быстрота мышления, способность принимать вовремя единственно правильное решение. Тут просто незаменим опыт участия в боевых действиях.

– В идеале я соглашусь с тобой и здесь, но где наберу столько профессионалов? Мне придется собрать все отдельные мобильные офицерские группы, чтобы укомплектовать одну, хотя бы равную по составу бандитской. Я даже не говорю о превосходстве, которое абсолютно необходимо.

– Необходимо для чего, товарищ полковник? Для отчета? Группа, на мой взгляд, нужна численностью в десять-пятнадцать бойцов. Лучше второй вариант. Из них, скажем, трое – снайперы. Неужели дюжину офицеров набрать не удастся?

– Думаешь, столько хватит? – спросил полковник как-то не очень уверенно.

Это его сомнение могло относиться как к одной, так и к другой стороне вопроса.

– Как же вредно нормальному человеку засиживаться в управленцах! – заявил Савелий Вячеславович, пользуясь некоторой вполне допустимой свободой беседы отставного офицера с настоящим, пусть и старшим по званию, даже бывшим твоим прямым командиром. – Помнится, раньше, когда сами в операциях участвовали, вы иначе думали. Небольшая группа всегда незаметна. Да и внешне она не представляет очевидной угрозы. Хотя для отвода глаз где-то неподалеку необходимо будет расположить подразделение спецназа ГРУ. Может быть, даже целую роту. Надо только найти подходящее место. Пусть оперативный штаб опирается только на информацию об этой роте. Там никто ничего не должен знать о работе отдельной группы.

³ «Подснежник» – коротковолновая миниатюрная радиостанция ограниченного радиуса действия. Состоит собственно из радиостанции, размером с портсигар, наушника и миниатюрного микрофона, крепящегося к воротнику на гибком поводке. Обеспечивает связь только внутри группы, имеющей другие такие же радиостанции.

Это обязательное условие. Тогда можно крота и не вылавливать, а заставить его работать на себя. Ох и надоели мне летом эти кроты! Весь огород ископали. Они почему-то очень полюбили редьку и испортили мне добрую половину урожая. Вкусы у них с моими схожие. Вот теперь не знаю, удастся ли на следующее лето чего-то вырастить.

Последнюю фразу полковник Мочиллов понял правильно, посмотрел хозяину дома в глаза и на всякий случай все-таки уточнил:

– Согласен?

– Интересное дело!.. Конечно, согласен. Я же еще раньше намекнул.

– Я даже был готов пригласить тебя, самого опытного специалиста по Северному Кавказу, только на подготовку группы. Но ты, как я понимаю, готов ее и возглавить?

– Готов. А что там за гостинцы нам приготовил центр экстремальной медицины?

– Разработали они какой-то шлемофон. Дескать, инфразвук массирует отдельные участки мозга, за тридцать секунд полностью снимает усталость, болевой шок от пулевого ранения. В течение тридцати минут эта штукавина готовит совершенно бесстрашного солдата.

– Понятно. А страх-то зачем снимать? Кто холода боится, тот в воду не лезет!

– Я тоже долго не мог этого уразуметь, а потом специалисты центра мне доходчивый пример привели. Пьяный человек падает с пятого этажа, поднимается, отряхивается и идет в магазин за добавкой. Трезвый же чаще всего разбивается насмерть. Почему такая разница? Опыты показали, что виной всему тот самый интуитивный страх, который выделяет адреналин. Мышцы становятся похожими на панцирь, теряют пластичность и гибкость. В результате человек падает как кирпич. А пьяному море по колено. Он не успевает испугаться, выделить адреналин и падает как подушка. Видишь разницу? Я так понял, этот инфразвук блокирует процесс выделения адреналина. Надеюсь, ты, в отличие от журналистов и телеведущих, знаешь, что он собой представляет?

– Гормон трусости.

– Правильно. Этот самый гормон приносит очень много вреда.

– Тогда давайте перейдем к конкретным организационным вопросам, – предложил отставной подполковник. – Когда мне прибыть в управление?

– Сегодня. С момента первой акции Мансура ибн Серджуна Ат-Таглиби прошло больше суток. Со мной поедешь. Можешь быстро собраться?

– «Давненько не брал я в руки шашек». Так, кажется, у Гоголя Чичиков говорит. В моей ситуации это звучит чуть иначе. Давно я не поднимался по тревоге. Но вспомнить это не сложно. Мне надо только документы забрать. Скотину я не держу, а печка сама по себе прогорит. Что потребуется дополнительно, в Москве найду. Домой все равно заглянуть придется. Жену предупредить обязательно надо. С машиной только вот как быть? Здесь оставить? Ладно, соседей попрошу, денежку дам, пусть присмотрят.

Глава 2

Мансур Серджунович Таглибов покинул Россию с радостью, потому что постоянно жил в страхе разоблачения. Он влип в крайне неприятную историю – ссора со старым приятелем, драка, удар по голове камнем, подвернувшимся под руку. Смерть товарища.

Но милицию Мансур Серджунович вызвал сам. Он заявил, что на них с товарищем напали четыре человека. Никого из них он не знал. Следы побоев на лице подтверждали сказанное.

Повезло ему тогда, помогло маленькое совпадение. За неделю в районе было совершено три беспричинных нападения на прохожих. Каждый раз это делали четыре крепко подвыпивших парня. Правда, раньше все обходилось только побоями, даже мелких краж зарегистрировано не было. В итоге все дела были объединены в одно производство и со временем благополучно забыты.

Но Таглибов все равно боялся, что откуда-то вдруг выплывет правда и ему предъявят обвинения. Поэтому он искал способ уехать как можно дальше, желательно вообще за границу.

Люди не зря говорят, что кто ищет, тот всегда находит, а подобное стремится к подобному. Как-то раз Мансуру встретился на улице еще один старый товарищ, только что вернувшийся из-за границы. Они поговорили и пошли в мечеть.

Дальше – больше. Уже через полгода Мансур Серджунович начал оформлять документы, чтобы отправиться на религиозную учебу в Оман. В новые времена власти не выступали против веры. При оформлении документов чиновники больше помогали Таглибову, чем мешали.

Он уехал, устроился, а потом сумел через знакомых оформить оманское гражданство. Возвращаться домой Мансур не собирался.

Однако учеба интересовала молодого сильного парня так же мало, как и сама религия. Он так и не получил исламского образования и вскоре нашел способ уехать в США.

Натурализоваться там оказалось не так-то просто. Мансура опять выручили знакомые. Они подсказали ему самый верный ход. Он подумал и согласился. Способ и в самом деле оказался надежным.

Таглибов подписал пятилетний контракт на службу в армии США. После нее ему гарантировалось гражданство и предоставлялась куча льгот. Так Мансур стал мариносом, то есть солдатом морской пехоты.

Первое время служба давалась Таглибову нелегко. Горячая восточная кровь не позволяла ему воспринимать жесткие воспитательные меры сержанта иначе как издевательство. Только после окончания учебного курса, когда Мансур почувствовал в себе силу, он понял, что иначе и невозможно сделать из человека настоящего солдата.

Тот же сержант, который совсем недавно казался Мансуру едва ли не личным врагом, перед выпуском пригласил молодого солдата к себе в кабинет и показал ему бумагу, которую заполнял. В этом документе он отмечал Таглибова как лучшего курсанта и рекомендовал через полгода службы отправить его в школу сержантов. Тут надо пояснить, что солдат, которому присваивалось сержантское звание, получал гражданство США сразу, уже автоматически.

Эти полгода службы тянулись непростительно долго. Положение Мансура осложнялось еще и тем, что в ожидании сержантского звания он всячески показывал свое превосходство над другими солдатами.

Это никому понравиться не могло. Назревал конфликт, который прошел сам собой, когда мариносы были отправлены на войну в Ирак. Во время боевых действий Мансур Таглибов на своих плечах ползком вытащил из-под огня раненого морпеха, своего главного противника во взводе, того самого парня-кубинца, с которым он больше всего конфликтовал.

Они оба были по натуре лидерами. Но кубинец умел ладить с другими по-доброму, а Мансур всегда старался показать свою жесткость и превосходство. На этой почве у него и возникали конфликты с сослуживцами, которые никак не желали признавать его превосходства.

Вскоре после этого случая на груди героя засияла медаль. Он отправился в Америку, быстро получил гражданство и был откомандирован в школу сержантов.

Учеба в этом заведении сразу показалась ему гораздо более жестким испытанием, чем первичные курсы рядовых солдат и служба в морской пехоте. Мансуру казалось, что здесь над курсантами издевались по-настоящему. Но ему приходилось терпеть ради собственного будущего.

Однако закончить школу курсанту Таглибоффу, как он теперь официально именовался, не довелось. Однажды его и еще двух курсантов из других учебных взводов пригласили в кадровую канцелярию, а оттуда направили этажом выше, в кабинет без какой-либо вывески на двери.

Курсанты поднялись туда, не понимая, почему их сняли с занятий и чего от них хотят. Двое спутников Мансура, на его взгляд, еще чисто советский, были самыми настоящими мексиканскими уголовниками. Таглибофф еще не привык к тому, что в США не только уголовники любят обильно украшать свое тело татуировками.

После короткого совещания два мексиканца остались ждать, сидя на подоконниках в коридоре. Мансур Серджунович постучал в дверь, дождался приглашения и вошел.

Его встретил морской офицер. В те времена Таглибофф еще не разбирался в знаках различия американского флота. Он не знал, какое звание носил этот человек, потому отделялся только словом «сэр», принятым для обращения со старшими по званию в сухопутных войсках.

Морской офицер не расспрашивал Мансура о его службе и о процессе обучения в сержантской школе. Он задавал вопросы о Дагестане, об отношении к своей стране, к России в целом, о родственниках, друзьях, религии. Его интересовало, как парень попал в Оман и получил тамешнее гражданство, друзья и знакомые будущего сержанта, которые остались в этой стране.

Таглибофф не считал, что ему следует что-то скрывать, разумеется, кроме случая с убийством. Честно говоря, он и сам уже начал забывать об этой беде.

Выслушав Мансура, морской офицер ничего ему не предложил и не сообщил, только объявил, что курсант свободен, и попросил позвать следующего. Парень пребывал в недоумении и не ответил на вопросы мексиканцев. Они, в свою очередь, поступили точно так же, когда по одному вышли из кабинета. Этот вызов был очень даже непонятным.

Обучение продолжилось. Все шло своим чередом.

Того же самого морского офицера Мансур Таглибофф снова встретил только перед выпуском из сержантской школы. Теперь уже ни самого Мансура, ни мексиканцев в кабинет без надписей на двери не вызывали. Морской офицер сам пришел в казарму и послал командира взвода за Мансуром.

Когда Таглибофф вошел, офицер посмотрел на него так, словно видел насквозь, и сообщил:

– Из трех кандидатур, которые были мне предложены, я выбрал тебя. Ты согласен служить в спецотряде сил быстрого реагирования?

Конечно, будущему сержанту стоило бы спросить, что это за спецотряд такой. Но не просто же так этому морскому офицеру кто-то предоставил право выбора. Да и сама формулировка впечатляла: спецотряд сил быстрого реагирования! Это все, конечно же, говорило о каком-то элитном подразделении. Поэтому Мансур согласился, не задавая вопросов.

– После испытания я пришлю за тобой машину.

Испытаниями здесь называли то, что в понятии Мансура являлось экзаменами. Но формулировки мало волновали парня. Как и то, что за служба его ожидала.

Мансур уже не видел себя вне армии. Он много раз думал о том, что будет делать, когда закончится его контракт. Американское гражданство мистер Таглибофф уже получил, но вот профессии никакой не имел. Потому Мансур готов был продлить контракт на такой срок, который ему предложат.

А тут вдруг нечто новое, скорее всего, необычное! Этот самый спецотряд может быть только каким-то элитным подразделением. Мансур решил, что его будущее обеспечено, хотя оно по-прежнему плавало где-то далеко-далеко, в плотном белесом тумане.

Все восточные люди от природы обладают богатой фантазией. Мансур не был исключением. Воображение рисовало ему этот самый таинственный спецотряд сил быстрого реагирования как что-то из ряда вон выходящее.

Американцы издавна поклоняются суперменам. В отличие от них, каждый представитель мужского населения Северного Кавказа с детства мечтает стать таковым. Мансур уже считал себя стопроцентным американцем, но и свой кавказский характер еще не потерял.

Термин, услышанный новоиспеченным сержантом от морского офицера, намекал на то, что из него хотят сделать супермена. Это льстило парню, радовало его и порождало уверенность в своих силах. Как и всякий выходец с Кавказа, он не сомневался в высоком предназначении собственной персоны. Сержанту казалось, что он прямой дорогой идет к тому, чтобы стать тем самым суперменом, которому поклоняются как американцы, так и кавказцы.

Но в жизни все выглядело совершенно прозаически. Сам процесс обучения шел слишком буднично. Чересчур много было мелочей, казавшихся Мансуру ненужными. С загадочностью, о которой так мечтал мистер Таглибофф, не сложилось с самого начала.

Спецотряд тоже оказался учебным подразделением. По крайней мере, сначала Мансур угодил именно в таковое. Однако разница между обучением в армии и в спецотряде бросалась в глаза.

В войсках на многие сотни учеников было несколько преподавателей. Здесь одного только Мансура обучали самые разные люди. Таких же, как он сам, бойцов спецподразделения Таглибофф пока не встречал, хотя не сомневался в том, что они были.

Да, обучение было полностью индивидуальным и весьма специфическим. С сержантом занималась куча инструкторов, носящих, разумеется, офицерские звания, но не погоны и шевроны на камуфлированной одежде военного образца. Иногда эти люди приходили на занятия вообще в штатском.

В такие моменты сержант Мансур Таглибофф представлял их бывшими шпионами и диверсантами. Из него, как он понимал, хотели сделать настоящего. Наверное, люди, которые сами занимались таким ремеслом, могут обучить этому лучше, чем кто-либо другой.

В той же морской пехоте, конечно, были свои саперы-подрывники. Здесь ему объяснили, что по завершении процесса обучения он сам сможет готовить высококлассных спецов по этой части.

В морской пехоте имелись очень даже неплохие снайперы. Здесь он в совершенстве овладел всеми видами стрелкового оружия и многочисленной электронной аппаратурой, обеспечивающей снайперу один удачный выстрел. Единственное точное попадание в цель может сделать больше, чем пара сотен солдат. При каких-то обстоятельствах этот выстрел способен уничтожить целую роту.

Инструкторы без погон или вообще в гражданской одежде были терпеливыми и корректными, мягкими, но настойчивыми. Иногда они сильно утомляли сержанта-курсанта, но знания давали, как он сам чувствовал, нужные и прочные.

Только один человек всегда приходил на занятия в неизменном спортивном костюме. Мансур Серджунович Таглибов был настоящим дагестанцем. Именно эти уроки он любил больше всего. Не зря ведь у дагестанцев существует поговорка, что в их народе каждый мальчишка рождается с разрядом по борьбе.

Инструктор учил Мансура искусству рукопашного боя, причем такого, который какому-то спортсмену, пусть даже чемпиону мира и его окрестностей, освоить, скорее всего, не удастся. Где еще изучаются нервные центры и болевые точки человеческого тела, при ударе по которым любого здоровяка запросто хватит паралич! Если бы спортсмены знали это, многие виды единоборств просто были бы запрещены из-за высокой травмоопасности.

Помянутые центры и точки были нанесены краской на манекены. Сначала инструктор просто ставил Мансуру нужный удар, потом уже доводил его до совершенства. Сержанту приходилось в кровь разбивать себе руки, даже манекены ломать, чтобы все это освоить. Инструктор был рад такому ученику.

Однажды он даже сказал ему:

– Хорошо, что ты не коренной американец. Такие персонажи привыкли беречь себя. А с тобой работать приятно. Ты видишь только цель и идешь к ней, несмотря ни на что. Когда я научу тебя всему, что умею сам, то не рискну встретиться с тобой ночью на узкой дорожке. Это высшая оценка твоего старания. Я никогда и никого не боялся, а вот тебя уже опасаясь. Старайся и дальше. Курс у нас с тобой небольшой, рассчитан всего на год.

Так сержант Мансур Таглибофф узнал приблизительную продолжительность своего обучения. Впрочем, не все курсы могли быть рассчитаны на одинаковый срок.

Труднее всего, как ни странно, давалось Мансуру обучение арабскому языку. Прежде он не видел в этом никаких проблем, легко общался, даже сдал экзамен в Омане, получая тамшнее гражданство. Но здесь его обучали классическому арабскому, тому самому, на котором был написан Коран. Именно эта священная книга стала основным пособием курсанта. Делалось это специально, чтобы все суры прочно отложились в памяти курсанта.

Еще труднее, чем разговорная речь, давалась сержанту арабская каллиграфия, которая, по сути дела, являлась искусством. Она складывалась под влиянием запретов Корана на рисование живых существ. Эти правила подталкивали развитие орнамента и каллиграфии, доводили их до совершенства.

Ясно, что простому человеку достаточно трудно стать мастером в таком вот экзотическом деле. Тем не менее Мансур старался и через несколько месяцев удивился. Он поймал себя на мысли о том, что стал находить приятными уроки арабской каллиграфии. Эти занятия сводились к тому, что его заставляли тот же самый Коран многократно переписывать.

Вскоре преподавателя арабского языка, женщину с лицом улыбчивого крокодила, сменил настоящий имам, который начал читать курс богословия. Ведь официально Мансур уехал учиться именно премудростям ислама, и кто-то наверху решил, что он должен освоить эту науку. Из этого курсант сделал вывод, что его, наверное, готовят для возвращения на родину под видом ученого богослова.

Но один имам был не в состоянии толковать все тонкости истинной веры. Поэтому учителей богословия было много, хотя все они, как понял сержант Таглибофф, придерживались одного и того же течения в исламе. Преподаватели привлекали внимание сержанта к начальным векам существования мусульманства как такового. Они отвергали многое из того, что пришло в религию потом, называли эти моменты наносными и лживыми. То есть все богословы были последователями учения Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба аль-Мушаррафи ат-Тамими, то есть салафитами или, как их чаще называют неверные, ваххабитами.

Интерес сержанта Мансура вызвали занятия по тактике ведения партизанской войны. Для восточного человека она подходила куда больше, чем для американцев, включая даже тех, которые преподавали ее. Военные хитрости и мудреные ловушки, многоходовые операции с различными приманивающими или отвлекающими сопутствующими элементами у восточного человека просто в крови. Все это вместе коротко называлось так: «создать интригу».

Этот курс давался Мансуру легко. Создавать интригу он умел и любил, да и хладнокровия ему хватало. Этим своим качеством он гордился не зря. Не случайно же тогда, в Махачкале,

парень сам вызвал милицию после убийства старого товарища. Мансур правильно рассудил, что если он убежит, то его смогут вычислить. Слишком уж многие люди видели их вместе. Но он назвал жертвой и себя самого, отвел подозрение.

В этом курсе сержанта немало удивило одно обстоятельство. Ему пришлось разбирать до мельчайших деталей многие операции, выполненные советскими и российскими спецслужбами. Оказывается, на таких вот примерах обучались американские специалисты.

Занятия по боевой подготовке ему напоминали первые дни службы в армии. Здесь снова была в ходу предельная жесткость, которая иногда казалась ему садистской. Особенно это касалось курса по выживанию.

Сержанту приходилось выезжать куда-нибудь в болота без пищи и даже без спичек и питаться там только тем, что удавалось добыть своими руками. Он должен был поймать, скажем, змею или черепаху, за неимением ножа, разделать ее голыми руками и острыми камнями. Мансур должен был не только поесть сам, но и накормить инструктора, который изображал раненого. Парню приходилось еще и таскать его на себе.

Потом тот же инструктор забывал про свое ранение и начинал ходить нормально. Он обучал своего подопечного различным способам маскировки и созданию скрытных убежищ.

Мансуру пришлось сдавать и контрольный зачет, причем вполне серьезный. Сержант должен был украсть что-то на любой, на выбор, ферме и намеренно оставить следы. Хозяева, естественно, сразу обратились в полицию. Копы приехали и начали искать. Если бы нашли, то могли бы и пристрелить. Но Мансур с инструктором хорошо спрятались.

Сержант вообще хотел укрыться прямо на ограбленной ферме, где искать стали бы в последнюю очередь. Инструктор оценил это предложение, но все же заставил курсанта построить и замаскировать убежище, поскольку именно это входило в программу обучения. Полицейские прошли по крыше этой ямы и ничего не заподозрили.

Самый незначительный по времени курс касался умения владеть электроникой, необходимой для работы в отрыве от цивилизации. Но интенсивность занятий в данном случае оказалась предельно высокой. Мансур так проникся этими премудростями, что, вернувшись с занятий в свою комнату, сразу включал компьютер и садился за клавиатуру, занимался сам.

Но он хорошо помнил категоричное предупреждение инструктора и всячески избегал компьютерных игр. Тот сказал, что подобные забавы нарушают психику человека, поэтому их давно уже пора приравнять к наркотикам.

Мансур привык верить инструкторам. Он не стремился стать наркоманом. Во время службы в морской пехоте парень вместе со всеми покуривал травку, но привычки к этому не приобрел.

Одни курсы кончались, другие начинались, но никто не говорил Мансуру, когда же закончится его обучение. Так прошел год.

Только после этого в тот же дом, где жил и обучался сержант, подселили еще пять человек. Курс у них был другим, упрощенным. Командование даже привлекло Мансура к их подготовке. Из этого он сделал вполне вероятный вывод о том, что эти люди когда-нибудь войдут в число его будущих подчиненных.

Командиры ценили Мансура еще и за то, что он не задавал лишних вопросов, не спрашивал, когда закончится обучение и чем он будет заниматься после. Парень без проблем ставил себя в положение исполнителя чужой воли. Наверное, среди американцев найти таких людей было сложно.

Именно поэтому, как Таглибофф заметил еще в морской пехоте, армия США была на восемьдесят процентов укомплектована иностранцами. Большею частью это были мексиканцы или выходцы из других стран Латинской Америки. Хватало уроженцев Ближнего Востока и африканцев, которые стремились назваться афроамериканцами. Примерно такое же положение было и в сержантской школе.

Но вот теперь окружение Мансура начало меняться. Пятеро мужчин, которых командование подсадило в дом и стало обучать, были пакистанцами. Трое из них уже имели американское гражданство, как и Мансур. Но он для них был не дагестанцем, а оманцем.

Чтобы общаться с пакистанцами на равных, Мансур вынужден был выучить пушту и дари. Потом, когда сержант уже свободно общался со своими подчиненными, они словно по приказу начали звать его эмиром. Скоро он получил на руки и документы на имя гражданина Омана Мансура ибн Серджуна Ат-Таглиби.

Ему даже объяснили, кому в действительности принадлежало это имя, порекомендовали поинтересоваться деяниями этого человека. Тогда же Мансуру, сотруднику спецотряда сил быстрого реагирования, был присвоен и псевдоним, который одновременно являлся его позывным для всех вариантов связи, – Святой.

* * *

Выброс в жизнь, как назвал это событие все тот же морской офицер, приехавший внезапно, произошел прозаически, без духового оркестра, который так любят в американских пожарных командах, армии и особенно во флоте. Морской офицер официально сообщил сержанту, что тот утвержден в должности командира особого подразделения, которое, по примеру византийских гвардейцев, называлось отрядом бессмертных. Такое название понравилось Мансуру. Морской офицер сообщил также, что конкретные задачи отряду будут поставлены чуть позже, по прибытии на место.

В тот же день к пяти подчиненным сержанта добавился еще один. Это был специалист по компьютерам, великолепный хакер. Морской офицер сказал, что этого парня зовут Маури. Он официально тоже был оманцем как по происхождению, так и по гражданству. Это обстоятельство чем-то роднило его с эмиром.

Судя по всему, Маури прошел почти такой же курс обучения, как и сам сержант-эмир, только с большим акцентом на IT-технологии. Под свое командование он никого не получил. Впрочем, сержант сразу понял, что тот к этому и не стремился. Маури интересовался Интернетом гораздо больше, чем людьми.

Потом отряд бессмертных вместе с каким-то грузом отправили в Афганистан на военном самолете. После приземления парни два часа тряслись на армейском джипе. Какие-то компетентные люди приняли их, переодели в гражданское, отобрали документы, дали серьезный и весьма конкретный инструктаж.

Отряду бессмертных следовало пешком пересечь практически половину страны и уйти в Пакистан, к пуштунским талибам. По пути они должны были избегать конфликтов с военными НАТО и с местными жителями. Лучше вообще идти так, чтобы их никто не видел.

Там, в Пакистане, им следовало для начала только прочно осесть и хорошо себя зарекомендовать. Потом, на базе уже существующей группы, сержант должен был создать свой сильный отряд. Командование рекомендовало Мансуру сохранить название подразделения. Так будет легче отслеживать его боевой путь.

Для оплаты всех расходов по этому делу в оманском банке был открыт счет на имя Мансура ибн Серджуна Ат-Таглиби. Эмир скоро понял, что этот самый счет был практически бездонным. Стоило только снять с него крупную сумму на покупку оружия, как он сразу пополнялся. В случае необходимости всегда можно было затребовать дополнительные деньги через средства связи. Но в этих случаях эмир обязательно должен был дать обоснование таких экстраординарных расходов.

Что касается понятия «хорошо себя зарекомендовать», то здесь разночтения быть не могло. Отряд, который должен был создать сержант Мансур, имел право вести боевые действия даже против воинских формирований США, дислоцирующихся на территории Афганистана.

Хотя командование при этом рекомендовало почаще тревожить союзников американцев по Североатлантическому блоку.

На подготовку группы бессмертных были затрачены значительные средства. Может быть, именно поэтому ей был выдан стандартный опознавательный радиомаяк системы определения «свой – чужой». При включении эта полезная штука издавала особый сигнал. Он означал категорический запрет на бомбардировку для любой авиации войск НАТО в Афганистане, включая беспилотную. О существовании таких радиомаяков эмир Мансур знал давно, еще до того, как покинул Советский Союз, но не представлял, насколько они могут быть эффективны.

Приборчик проявил себя еще по дороге в Пакистан. Его пришлось включать дважды. Сначала при появлении американского боевого вертолета, потом – когда в ночном небе завывали пикирующие самолеты. Сержант и его люди не видели этих машин, но поняли, что те удалились сразу после включения радиомаяка.

Чуть позже ситуация повторилась в Пакистане. Беспилотники атаковали лагерь талибов ракетами, ни одна из которых не упала туда, где стояла палатка бессмертных. В ней-то и работал радиомаяк.

Талибы все видели. Они считали, что тем людям, которые расположились в левой части лагеря, просто повезло. Такова уж была воля Аллаха, милостивого и милосердного. Остальная часть лагеря была перемешана с землей. Там не осталось ни одной целой палатки.

Сержант еще в Афганистане узнал, что его отряд командование планирует использовать по-разному, в зависимости от конкретной обстановки. Мансуру ибн Серджуну Ат-Таглиби было приказано проводить активную подготовку моджахедов по боевой части той программы, которую он сам осиливал больше года.

Сержант вполне успешно занимался этим. Ему нравилось демонстрировать жесткость в обращении с подчиненными. Она приносила свои плоды.

Еще командиры говорили о том, что неплохо было бы обстрелять бойцов в Сирии, чтобы отправиться в Дагестан, уже имея вполне конкретный боевой опыт. Исходя из конечной цели, Святому было предложено формировать отряд преимущественно из своих земляков и вообще выходцев с Северного Кавказа. Благо недостатка в таковых среди пакистанских и афганских талибов не было.

Именно сюда в поисках убежища отправлялись многие из тех своеобразных личностей, которые дома были объявлены в международный розыск. Но талибы не сотрудничали с Интерполом. Более того, американцы сами присылали к Мансуру ибн Серджуну Ат-Таглиби парней, временно проживающих в различных арабских странах.

Так вот и сформировался отряд общей численностью более шести десятков бойцов. Сержант активно занимался их боевой подготовкой. Этот факт не остался незамеченным наверху. Особенно после нескольких рейдов в глубину Афганистана. Отряд бессмертных зарекомендовал себя там мощной боевой единицей. Сказывались знания по теории партизанской войны, которыми большинство полевых командиров моджахедов не обладали.

После этого талибы решили отправить отряд Святого в Сирию, на усиление своей группировки, входящей в формирования «Аль-Каиды» и финансируемой из бюджета США. Тем более что сержант и сам туда многократно просился.

Вот там-то, к удивлению американского сержанта, навыки партизанских действий ему негодились совсем. Война там шла классическая, позиционная, к которой сержант Мансур был подготовлен плохо, только на уровне рядового солдата морской пехоты.

В одном из боев отряд бессмертных понес значительные потери. После этого он сразу пополнился за счет земляков из соседнего отряда, полностью разбитого правительственными войсками. Однако при этом Святой проявил самовольство, приведшее к конфликту.

Командиры моджахедов потребовали вернуть бойцов. Самих же бессмертных, как вовремя узнал сержант, они собирались расстрелять. Хорошо, что в подчинении у Святого

был хакер Маури. Этот чародей сумел взломать переписку командиров двух соседних отрядов, левого и правого. Они собирались ночью атаковать позиции бессмертных с флангов.

Тут вот Святой и проявил себя настоящим мастером по части интриги. Перед его отрядом фронтом стояли правительственные войска. По бокам занимали позиции два отряда из недружественной группировки.

Святой с помощью своего хакера передал по связи приказ правительственным войскам ночью атаковать позиции бессмертных, как только там завяжется бой. Сам он сразу после наступления темноты стремительно вывел своих людей с этой позиции, оставив фронт открытым.

Два фланговых отряда в темноте пошли в атаку. Они вступили в бой не с бессмертными, а друг с другом, и сразу понесли большие потери. В это время на них и набросились правительственные войска. Они не просто атаковали моджахедов, а практически уничтожили их мощным ударом с применением крупнокалиберных минометов.

Святой знал материальную базу соседей. В это же время он захватил их тыловые подразделения и воспользовался чужим транспортом, чтобы покинуть страну. Ему хотелось убраться отсюда навсегда. Святой вернулся в Пакистан через соседние государства, где никто не решился его задержать. Дело обошлось практически без стычек, если не считать нескольких коротких перестрелок непонятно с кем в Ираке, а потом и в Афганистане.

По пути ему пришлось заглянуть в Кувейт и без стрельбы договориться с хозяином небольшого судна, которое тут же и отправилось к берегам Пакистана. Это было гораздо лучше, чем пробираться через враждебно настроенный шиитский Иран.

Проблема возникла только при переходе от береговой линии в северо-западные провинции, населенные пуштунами. Пакистанская армия тоже не слишком любит талибов и всех, кто за них воюет.

Поэтому Святому пришлось воспользоваться навыками, полученными на занятиях по маскировке. Бессмертные шли ночью, а к утру сооружали себе неприметные убежища. Так они и добрались до места.

После конфликта с соседями в Сирии Святой ожидал каких-то неприятностей. Но командование талибов высоко оценило действия эмира, посчитало его хорошо соображающим полевым командиром, умеющим правильно применять свои знания.

Для отдыха и разминки талибы дали отряду возможность совершить рейд по приграничным районам Афганистана. Моджахеды Святого играючи разбили там отряд итальянцев из корпуса НАТО. Они уничтожили половину личного состава, а остальных просто разогнали по горам. Местные жители получили возможность развлечься, отыскивая и добывая их.

После этого бессмертные на американском военном самолете из Афганистана улетели в Грузию. Оттуда они своим ходом перебрались в Дагестан. Командование передало Святому адреса для связи и получения информации. Обширные контакты, как оказалось, имели здесь и многие подчиненные эмира.

Талибы предоставили ему право пользования несколькими схронами с оружием и боеприпасами. Все это добро было оставлено в горах Северного Кавказа теми отрядами, которые в настоящее время ушли в Афганистан.

Оказавшись в родной республике, Мансур присматривался к ситуации почти неделю. Он слушал радио, читал статьи в Интернете, которые находил для него Маури. Потом Святой заскучал и решил использовать свои знания по части ведения партизанской войны. Он начал действовать резко, мощно, широким фронтом, но обдуманно. Сержант заранее просчитал все необходимые меры, обеспечившие безопасность отряду бессмертных.

Глава 3

Снегопад и вправду усилился, как и обещали небо и барометр. Но микроавтобус оказался полноприводным и обладал неплохой проходимостью. Водителю следовало успеть выехать на шоссейную дорогу с деревенского проселка, который бульдозер будет расчищать только утром.

Если занесет, дорога станет непроходимой и попросту опасной. Она проходит по высокой насыпи. Машина запросто может соскочить под откос и перевернуться. Но этот участок не так уж и продолжителен. Всего шесть километров.

Дальше асфальт. По нему уже ходит много машин. Они быстро укатывают снег, оставляя за собой колею. Особенно стараются большегрузные фуры. Только вот ехать за ними и нюхать выхлопы солянки – удовольствие не самое большое. Чтобы обогнать их, требуется выбраться из колеи. При толстом слое снега на это способен не каждый автомобиль.

Но микроавтобус пока справлялся со своей задачей. Не на скорости, но упорно, ворча хорошим дизелем, выбрался сначала на второстепенный асфальт, потом докатился до широкой, настоящей трассы с интенсивным движением, связывающей два крупнейших города области.

Там уже работала снегоуборочная техника. Правда, вся дорога еще не была вычищена, но работы уже начались. Значит, проблем удастся избежать. Теперь водитель смог даже держать вполне достойную скорость и ехать без всяких проблем на поворотах.

Заносы для таких машин, как микроавтобусы, – всегда самое неприятное явление. Именно эти транспортные средства имеют традиционную склонность к переворачиванию. Особенно те, которые отличаются повышенной проходимостью.

Ее нельзя обеспечить без увеличения клиренса. Следовательно, центр тяжести такой машины расположен выше, чем у других типов. Этот факт и создает реальную угрозу и возможность опрокидывания. Но все обошлось.

За рулем сидел старший прапорщик средних лет, явно опытный, хорошо чувствующий машину вместе с дорогой. Отставной подполковник Савелий Вячеславович Тайганин какое-то время присматривался к его манере езды, а потом удовлетворенно задремал, решил доверить свою жизнь чужим рукам, плотно держащим руль.

В принципе, можно было бы самому и не присматриваться. Отставник знал, что полковник Мочиллов и сам очень хороший водитель. В свое время он, как и Тайганин, прошел обучение по полным трем курсам экстремального вождения. Полковник ни за что не посадил бы за руль кого попало. Старший прапорщик ехал не слишком медленно, но и не гнал. Он хорошо чувствовал, можно ли сейчас добавить скорость или же делать этого не следует.

Как и все обычные люди, Савелий Вячеславович привык доверять профессионалам. Когда человек садится в поезд, он, конечно же, не задумывается, в каком состоянии находится сейчас машинист, насколько он профессионален. А ведь вполне может быть, что тот перед самой поездкой так с женой поругался, что его всего трясет! Или же пассажир заходит в самолет и не видит пилота, не знает его.

Но мы привыкли доверять профессионалам. Если человек назвался пилотом или машинистом, то он, по нашему мнению, в состоянии управлять самолетом или локомотивом. Мы с вами этого делать не умеем, поэтому и пользуемся услугами специалистов.

Но Савелий Вячеславович сам управлял машиной с юношеских лет. Усевшись на пассажирское место, пусть даже в такси, он всегда присматривался к водителю, желал знать, кому доверяет свою жизнь. Тайганин мог себе позволить спокойно спать, если только видел, что за рулем нормальный профессионал.

Еще во время службы организм подполковника, теперь отставного, но, видимо, ненадолго, был приучен легко включаться в любые естественные процессы. Допустим, Савелию

Вячеславовичу в данный момент спать вовсе не хотелось, но он понимал, что потом такой возможности у него просто не будет. Надо отдохнуть, набраться сил именно сейчас, заранее. Его мозг посылал приказ организму, тот беспрекословно подчинялся, и Тайганин засыпал.

Так вышло и в этот раз, причем столь же легко, как и в былые времена. Этот отрядный факт говорил о том, что привычка включаться в любую ситуацию легким усилием воли никуда не делась.

При водителе вести служебные разговоры с начальством подполковнику не хотелось. Да и сам Мочиллов помалкивал. Общие вопросы они вроде бы уже обсудили, а конкретные не обговариваются вот так на ходу, с кондачка. Они обычно прорабатываются при наличии документов и возможности принять какое-то решение.

* * *

Проснулся Савелий Вячеславович, когда уже въехали в Москву и стали передвигаться значительно медленнее, хотя снегопадом здесь теперь и не пахло. Бурая каша на дорогах давно растаяла, лишь мокрый асфальт напоминал о том, что снег все-таки шел.

Несмотря на поздний час, движение на МКАД было значительное. Поэтому микроавтобус ехал не слишком быстро. На совсем коротком участке недавно приключились две аварии.

– Я еще, кажется, помню, где ты живешь, – сказал полковник Мочиллов, назвал адрес и поинтересовался: – Правильно?..

– Да, так и есть. Меня там, правда, сейчас не ждут, но я люблю появляться внезапно, как снег на голову. Потому обычно и не звоню. Сразу еду, да и все. Жена знает такую мою привычку.

Полковник не счел нужным сообщать попутчику, что нашел его адрес и телефон в управлении кадров, звонил домой к Тайганину и взял там деревенские координаты.

– Как она поживает? – Юрий Петрович опять не упомянул, что несколько часов назад сам разговаривал с женой Савелия Вячеславовича.

Тот махнул рукой и ответил:

– Сама себя в бабушки записала. С внуками занимается, вот и чувствует себя старухой. Я ей говорю, мол, всю жизнь с молодыми солдатами провозился, а стариком себя не чувствую. Она отвечает, что это совсем другое. А ведь на три года моложе меня!.. Могла бы и на лыжах ходить, и по утрам пробежку делать. Нет, решила вдруг, что старуха, да и все тут. Ее не переубедишь. Честно говоря, я уже и смирился с этим. Главное в том, чтобы себя стариком не считать.

– Бегаешь по утрам? – спросил полковник.

– Через поле до речки, потом по берегу до моста и обратно. Я измерял с шагомером. Получилось одиннадцать километров пятьсот шестьдесят метров. Каждое утро, в любую погоду. Конечно, темп прежних лет уже не выдерживаю, но тем не менее. Особенно приятно после снегопада тропу протаптывать. Закончу такую пробежку, и ноги отвалиться готовы. А мне ведь давно уже не двадцать пять лет, даже не сорок.

– Я после пяти километров ноги протяну раз и навсегда, – сказал водитель, которому было где-то за тридцать пять, и коротко глянул через плечо на подполковника, словно бы восхищаясь его героизмом.

– Из-за руля надо почаще выбираться, молодой человек! – назидательно произнес Тайганин. – Машины людей губят. Я в деревне сначала даже в магазин на своей тачке ездил. А до него ведь три километра всего-навсего. Потом чувствую, нет, что-то не то. Стал пешком ходить. Сейчас вообще в машину только по необходимости сажусь. В моем возрасте к этой железяке привыкать опасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.